

СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТРАНАХ
СЕВЕРНОЙ АФРИКИ (НА ПРИМЕРЕ АЛЖИРА)

© 2018

И. Г. РЫБАЛКИНА

Институт Африки РАН

Еще в середине XX в., как и ранее в течение многих веков, жизненным выбором для женщины в странах Северной Африки было только замужество. Однако в последние тридцать лет в этих странах наблюдаются глубокие социодемографические изменения в семейно-брачных отношениях. Значительно повышается возраст вступления в брак как в городской, так и в сельской местности, что, в свою очередь, не может не отразиться на показателях фертильности. Трансформируются поведенческие нормы, традиции, стереотипы и обычаи, характерные для института “арабского брака”.

Ключевые слова: Алжир, трансформация семейно-брачных отношений, социодемография, брачный возраст, взаимоотношения между поколениями, эволюция традиций.

DOI: 10.7868/S0869190818010090CHARACTERISTICS OF FAMILY-MARITAL RELATIONS IN THE NORTH
AFRICAN COUNTRIES (THE CASE OF ALGERIA)

Inna RYBALKINA

Institute for African Studies, Moscow

While still in the middle XX century, as many centuries and millennia ago, the only life choice for women was a marriage, there are profound sociodemographic changes in family and marital relations in North Africa in the last thirty years. The age of marriage increased significantly both in urban and in rural areas, which in turn affects the fertility rates. The behavioral norms, traditions, stereotypes and practices, specific to the institute of “Arab marriage” are transformed.

Keywords: Algeria, transformation of family-marital relations, sociodemography, marriage age, intergenerational interaction, evolution of traditions.

Для развития современных семейно-брачных отношений в Алжире XXI в. характерны быстрые темпы изменений традиционных стереотипов по отдельным направлениям. Но вплоть до сегодняшнего времени в Алжире единственной возможностью иметь потомство остается семья и брак. Для того, чтобы иметь детей, девушка должна ожидать, пока она не выйдет замуж; и брак в свою очередь является мощным регулятором уровня фертильности. В данных условиях при отсутствии контрацепции любое повышение или

РЫБАЛКИНА Инна Геннадьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: vrybalkin@mail.ru.

Inna RYBALKINA – PhD (in History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: vrybalkin@mail.ru.

понижение возраста вступления в брак автоматически ведет к изменению уровня рождаемости. В Алжире снижение возраста вступления в брак в 1960-е гг., затем его значительный рост в течение последующих трех десятилетий приводил первоначально к росту рождаемости, а впоследствии значительно способствовал ее снижению. От максимума (более 8 детей на одну женщину детородного возраста), наблюдавшегося в 1970-е гг., среднее число детей на одну семью в начале XXI в. сократилось до не более 2, и очевидно, применение средств контрацепции усиливало эффект сокращения рождаемости при поздних браках [Ouadah-Bedidi, Vallin, 2000].

Рождаемость в Алжире имела тенденцию постоянно трансформироваться. После обретения независимости в 1962 г. количество детей в среднем на одну женщину детородного возраста доходило до 8.2 ребенка, и к концу 1960-х гг. правительство стало задумываться о политическом курсе, направленном на снижение рождаемости. В период с 1970 до 2002 г. наблюдалось снижение числа детей на семью, а затем произошло парадоксальное его возрастание на фоне продолжающегося политического курса на снижение рождаемости¹. С начала 2000-х гг. в семье было в среднем от 2 до 2.9 (в 2010 г.) [Ouadah-Bedidi, Vallin, 2012(1), p. 15; Ouadah-Bedidi, Vallin, 2012(2)]. При этом увеличение рождаемости началось в среде образованных горожанок, а среди сельских жительниц эта тенденция распространилась позднее и развивалась медленнее. Одна из самых вероятных причин роста рождаемости в XXI в., очевидно, — стабилизация брачного возраста: по наблюдениям демографов, снижение фертильности прекращается, если одновременно перестает увеличиваться возраст вступления в брак. Таким образом, те же социальные слои, которые прежде были в авангарде снижения рождаемости, в настоящее время инициируют возвращение к ее повышению [Ouadah-Bedidi, Vallin, 2012(1), p. 16].

Помимо своей роли регулятора рождаемости эволюция матримониальной практики отражает глубокие, прежде всего социально-психологические, изменения в обществе. Их анализ позволяет выявить характер и особенности социоэкономических и социокультурных мутаций [Boutefnouchent, 1982].

В алжирском обществе брак всегда рассматривался как решающий и бесповоротный шаг в жизни человека, прежде всего это касалось женщин. Французская демограф алжирского происхождения З. Уада-Бедиди подчеркивает: “Традиционно алжирская девушка, не вышедшая замуж, позорит своих родителей и не имеет статуса в обществе” [Ouadah-Bedidi, 2009, p. 179]. И сегодня, по свидетельству алжирок, социальная значимость семьи остается неизменной: замужняя женщина пользуется большим уважением, чем незамужняя. Однако параметры брака значительно трансформировались. Средний возраст первого вступления в брак для женщин, достаточно ранний еще несколько десятилетий тому назад (15–18 лет в 1966 г.) в настоящее время является одним из самых поздних в мире (30 лет еще в 2002 г.) [Enquête..., 2003]. Если прежде о незамужней девушке говорили: “Бедняжка, она до сих пор не замужем”, то теперь стало обычным, что не только в 25 или 30, но и в 35 лет немало молодых девушек не имеют семьи [Ouadah-Bedidi, 2009, p. 180]. И возраст вступления в брак — не единственная характерная черта изменений матримониального процесса.

Современная матримониальная практика постепенно отступает от традиционных норм. Добрачные интимные отношения все еще остаются под запретом, но современность перевернула представления о процессе вступления в брачный союз и его этапах, начиная от так называемых разведывательных действий, которые прежде осуществляли матери юношей, и до церемонии бракосочетания. Анализируя изменения браков, исследователи отмечают, что они направлены в сторону сокращения традиционных для

¹ Ожидалось, что, подобно Таиланду, в середине 1990-х гг. (1.8 ребенка на 1 женщину), Кубе и Сингапуру (1.6), Южной Корее (1.5) или Гонконгу (0.8) (даже переплывшему поставленную правительством КНР уникальную цель — “одна семья — один ребенок”, а также и другим странам Юга, где этот показатель составляет в настоящее время 2.1 — Ирану, ОАЭ, Ливану, Чили, Бразилии, Вьетнаму и, в конце концов, самому Китаю, в Алжире будет продолжаться снижение рождаемости [Ouadah-Bedidi, Vallin, 2012(2), p. 15].

мусульманского права шести этапов [Bontemps, 2001]. Действительно, если некоторые стороны брачного процесса сейчас упрощены, он все еще остается достаточно сложным и длительным. Появляются новые этапы (встречи молодых людей до брака), иные значительно удлиняются по времени (время, когда девушка находится в статусе обрученной невесты), а некоторые постепенно исчезают (договоры о брачных платежах) или сливаются с другими.

Интерес представляет исследование поведения различных действующих лиц брачного процесса и современная эволюция их ролей: какие появляются в этой связи новые социальные и гендерные взаимоотношения, какое воздействие это оказывает на новобрачных, их родителей, семью и общество в целом? Основные действующие лица: молодой человек и девушка, мать жениха, его сестры, отец (чья роль постепенно уменьшается), родственники новобрачных.

Взаимоотношения жениха и невесты: можно ли говорить о выборе супруга? Современная алжирская молодежь, как юноши, так и девушки, все более выражает желание самим решать свою судьбу и обустраивать личную жизнь. Они хотят иметь возможность выбора, с кем связать свою жизнь и когда это сделать. День свадьбы все более откладывается, но происходит ли это действительно по воле молодых? Безусловно, девушка желает сначала закончить свое образование и, возможно, добиться некоторой социально-экономической независимости, устроившись на работу. Конечно, молодой человек должен сделать то же самое; но иметь добрачные интимные отношения настолько сложно, что принято считать, что поздний брак — это следствие суровых социально-экономических условий реальной жизни (безработица, дорогая стоимость жилья, снижение жизненного уровня и т.п.), а не результат гедонистических предпочтений. Каким же образом решается молодоженами проблема выбора? Является ли он результатом взаимного согласия и какая роль отводится традициям?

Преимущества, которые предоставляют образование и работа. В прежнее время в Алжире в соответствии с требованиями традиционной социальной организации матримонимальные союзы были в основном прерогативой социальной группы, а не индивидуума [Kateb, 2003]. Выбор брачного партнера был важным элементом урегулирования взаимоотношений между семьями. И поэтому, как и во многих традиционалистских обществах, он находился в компетенции людей, обладавших властью [Locoh, 2002].

По мнению Т. Локо и В. Эртриш, "...чем более независимой была молодежь, получившая образование или работу, чем более она контактировала с различными социокультурными моделями и стереотипами... тем более у нее проявлялось желание участвовать в принятии решений относительно своей судьбы и в первую очередь в выборе спутника жизни..." [Hertrich, Locoh, 1990, p. 7].

Под влиянием современных социально-экономических факторов — охват детей школьным образованием, урбанизация, работа женщин вне дома и т.д. — выбор супруга становится все более личностным. Эволюция матримонимальной практики представляет собой длительный процесс диалектической трансформации нравов и обычаев и молодежи, и ее окружения, постоянно подвергающийся воздействию различных внешних условий и обстоятельств. В частности, продолжая свою учебу как можно дольше, алжирские девушки осознают ее значимость, как они говорят: "либо диплом, либо половая тряпка". Прежде всего, образование позволяет им выйти из плена домашней сферы (в которую традиционно заключена алжирка), чтобы принять участие в общественной жизни (ранее зарезервированной лишь для мужчин). Диплом, стоимость которого побуждает родителей согласиться с тем, чтобы их дочери работали, позволит девушке эмансипироваться, добившись определенной экономической независимости. Статус женщины, имеющей диплом и получающей зарплату, больше освобождает ее от подчинения семейной группе (отцу и братьям), чем влияние экономического кризиса и бедность, поразившая алжирское общество в течение последних лет, и больше способствует ее активной роли в поисках для семьи новых источников доходов и антикризисной стратегии выживания. Она вносит вклад в доход домохозяйства и помогает членам семьи посредством расширения

своего профессионального и дружеского круга общения, что для алжирской реальности является чрезвычайно важным. Этот новый статус, очевидно, позволяет ей принимать участие в выборе будущего супруга. Но что означает выражение *выбирать себе супруга* в алжирском контексте, где брак и брачные отношения традиционно были и остаются институтом, регламентируемым жесткими социальными нормами (тотальный контроль за поведением женщин, девственность, запрет на любые добрачные сексуальные отношения и т.п.)?

Около полувека тому назад, в конце 1960-х гг., в Алжире проводилось социодемографическое анкетирование, охватывавшее 2138 супружеских пар. Оно выявило разницу в восприятии мужчинами и женщинами основных особенностей и характеристик своего брака. Так, 23% мужей заявили о свободном выборе, и очень незначительное число женщин выбирали себе супруга (менее 2%) [Ouadah-Bedidi, 1999, p. 182]. Индивидуальный статус, в особенности образовательный уровень, уже имел определяющее значение для участия в выборе спутника жизни. Одно лишь обстоятельство, что девушка умела читать и писать, повышало ее шансы, что с ней будут консультироваться при выборе для нее супруга (в частности, по статистике в одном случае из двух). Следует отметить, что в тот период очень немногие замужние женщины были грамотными. Для молодого человека уровень образования был решающим фактором: среди женатых мужчин, которые в свое время ходили в школу, лишь с одним из пяти не советовались при выборе невесты.

Годом ранее, в 1966 г., супружеские пары опрашивали об их намерении организовать браки детей. Безусловно, подавляющее большинство желали участвовать в выборе супругов для своих детей, но не планировали их принуждать согласиться с навязанным спутником жизни. Кроме того, больше женщин, чем мужчин были склонны позволить детям свободно выбирать себе спутника жизни. Вместе с тем и мужья, и жены согласны были бы предоставить большую инициативу выбора сыновьям, чем дочерям (табл. 2).

Таблица 1

Распределение супругов (в %) по типу заявленного выбора спутника жизни и по уровню образования (результаты анкетирования 1967 г.)

Уровень образования	Тип выбора				
	Родительский сговор	Родительский сговор с моим согласием	Свободный выбор	Всего	Общая численность опрошенных
Супруг					
Не посещал или очень мало посещал школу	35.0	41.0	24.0	100.0	1839
Обучался в школе	23.0	59.0	18.0	100.0	299
Всего	33.0	44.0	23.0	100.0	2138
Супруга					
Неграмотная	70.0	28.5	1.0	99.5	2010
Умеет читать и писать	47.0	41.0	12.0	100.0	128
Всего	69.0	29.0	1.5	99.5	2138

Источник: AARDES, 1967 [Association... 1967].

Таблица 2

Распределение супругов (в %) по типу желательного брака для своих детей

Пол ребенка	Тип желательного брака				
Супруга					
	Родительский сговор	Родительский сговор с моим согласием	Свободный выбор	Всего* (%)	Общая численность опрошенных
Дочь	22	59	18	99	2138
Сын	19	54	26	99	2138
Супруг					
Дочь	24	62.5	12.5	99	2138
Сын	15	67	17	99	2138

* Не все ответили на этот вопрос.

Источник: AARDES, 1967 [Association... 1967].

Однако с тех пор более не проводилось подобного анкетирования одновременно и с мужьями, и с женами. В настоящее время пока нет данных, которые позволили бы проследить эволюцию этих взглядов или проанализировать все изменения в перспективе развития гендерных взаимоотношений. Некоторые более поздние фактические данные были получены лишь из ответов женщин, но они очень неполные.

Эти сведения позволяют прийти к выводу, что образование, в особенности для женщин, — главная предпосылка возможности самостоятельного выбора [Locoh, 2001]. И действительно, изучение особенностей брака магрибинцев, получивших высшее образование, показывает, что они пользуются довольно большой свободой выбора [Mahfoudh, 1994]. Как образованные мужчины, так и женщины стремятся вести активные поиски спутника жизни, основываясь на собственных чувствах. Браки все чаще заключаются на основе глубоко личностных предпочтений и все менее зависят от вмешательства родственников. По данным опроса, проведенного в Магрибе в 1989 г. и охватывавшего 1300 женщин, более трех магрибинок с высшим образованием из четырех заявили, что дали согласие на брак с будущим мужем без консультаций с родителями. А родители в подавляющем большинстве одобрили выбор дочери — 71% случаев. В целом представляется, что из трех стран Магриба именно в Алжире женщины с университетским дипломом имеют наибольшую возможность и свободу выбора супруга, за ними следуют жительницы Туниса, а марокканки остаются наиболее подверженными влиянию традиций [Aït Amara, 1994].

Последние статистические данные по вопросу о выборе супруга, которые можно получить одновременно у мужского и женского населения, относятся к середине 1980-х гг., когда осуществлялась реализация Национальной алжирской программы анкетирования по проблемам семьи. Согласно данным опросов, в тот период лишь 8% девушек выходили замуж по своему выбору и желанию, 55% заставили согласиться с выбором родителей и 35% одобрили родительский выбор [Коуаоуси, 1992].

Эволюция матримонильных взаимоотношений с 1966 г. до наших дней довольно заметна. Но каково положение в настоящее время? Сколько молодых алжирок имеют право голоса при выборе супруга? И скольким приходится подчиняться выбору родителей? Ответ не очень ясен, так как во время опросов он исходил в целом от женщин, бывших замужем, в возрасте от 15 до 54 лет на момент анкетирования. Хотя демографические опросы свидетельствуют, что в середине 1980-х гг. 8% замужних женщин в возрасте от 15

до 54 лет свободно выбрали себе спутника жизни (менее 2% — в 1966 г.), данное соотношение, вероятно, более наглядно и убедительно представлено среди молодежи [Ouadah-Bedidi, 1999, p. 184]. И если эволюция продолжалась теми же темпами, было бы правомерным предположить, что в настоящее время большинство молодых алжирок выбирают супруга либо по собственному желанию, либо по совету родителей [ibid.]. Однако пока не существует никаких статистических и демографических данных, чтобы это точно утверждать.

Следует с полной определенностью отметить, что все больше девушек стремятся продолжить свое обучение и достойно выйти на рынок труда, что является, в первую очередь, альтернативой раннему замужеству и преждевременным родам. Учеба позволяет вырваться из замкнутого домашнего пространства и вступить в общественную жизнь, в которой прежде принимали участие только мужчины. Таким образом, диплом — их лучший аргумент, чтобы добиться права на трудоустройство, как перед семейным коллективом и другими родственниками, так и на рынке труда. Диплом и работа создают серьезную основу для достижения финансовой независимости и в итоге — для освобождения от подчинения диктату семейной группы и от традиционной опеки отца и братьев [Kateb, 2004]. Экономический кризис и снижение жизненного уровня семей в 1980–1990-е гг. еще более усилили эти козыри в руках женщин и придали им больше веса и значимости, так как их финансовое участие в бюджете семьи зачастую стало незаменимым. Дипломированные и получающие зарплату молодые девушки, естественно, имеют больше возможностей добиться права выбирать себе супруга. Помимо всего, у них гораздо более широкий круг знакомств за пределами семьи, как профессионально-общественных, так и дружеских², таким образом, их шансы встретить с их точки зрения *идеального мужа* значительно повышаются.

Но кто этот *идеальный муж* для алжирской женщины? На каких критериях основывается выбор алжирки? Действительно ли она выбирает супруга, проявляя активность, или пассивно ожидает предложения выйти замуж, которое она сверяет с ожидаемыми представлениями?

Новый фактор в матримониальной сфере: любовь. Говоря о современной модели алжирского брака, Х. Аит Амара свидетельствует о *революции чувств*. Это своего рода феминистское движение, начатое молодыми алжирками с университетским образованием, охватило сегодня все социальные слои. Отныне все девушки заявляют, что признают только брак по любви и что ни в коем случае не выйдут замуж за мужчину, которого не любят, и тем более за того, которого никогда прежде не видели. Это двойное условие подрывает и реформирует основы и устои традиционного брака. Прежде любовь, даже платоническая, и встречи молодых людей и девушек до брака были чем-то невероятным. Девушка должна была появиться на свет и вырасти в замкнутом пространстве родительского дома, хорошо охраняемая от посторонних, и покинуть его, лишь чтобы перейти в дом мужа в период свадебной церемонии, о которой вели длительные переговоры члены семей новобрачных в соответствии с многовековыми обычаями “арабского брака” [Guichard, 1977].

Полная зависимость от взглядов и мнений родителей и семьи в настоящее время почти исчезла. Как юноши, так и девушки и в городах, и в сельской глубинке создают брачные союзы по взаимному чувству симпатии и любви.

Общения: новый фактор предварительной стадии. “Гулять с мальчиком, выходить с мальчиком, встречаться с мальчиком” — современные общепринятые разговорные выражения, обозначающие ныне наличие романтических отношений, которые прежде были немыслимыми. Безусловно, предполагается, что до свадьбы эти отношения лишь

² По свидетельству З. Уада-Бедида, в Алжире, как правило, широкий круг знакомств семьи позволяет найти решения для множества проблем любого характера — административных, коммерческих, финансово-экономических, социальных, личностных, трудоустройства и многих других.

платонические. Отцы, братья и другие родственники-мужчины осведомлены об этом общении, но в настоящее время делают вид, что о нем не знают, предпочитая не замечать девушек из своей семьи в компании с приятелями. Матери, сестры, кузины, золовки и все другие родственницы, как правило, в курсе происходящего. Продолжительность этого общения может варьироваться от нескольких месяцев до нескольких лет. Общение может начаться очень рано, задолго до свадьбы. Девочки начинают встречаться с мальчиками обычно в лицее, но на этой стадии общение остается тайным, так как родители редко одобряют ранние взаимоотношения, и обычно непродолжительными. Они очень зависят от социально-экономического положения мальчика: если он аналогичного школьного уровня, общение может продолжаться во время учебы в вузе и после его окончания. Но если юноша больше не в учебной системе, а уже работает, раскрывается разница в возрасте, и общение сведется к менее продолжительному, тогда брак может состояться по окончании лицея. Если же девушка поступает в университет или находит хорошо оплачиваемую работу, родители более снисходительно относятся к ее общению с молодым человеком, но в то же время период обучения в ВУЗе позволяет ей не спешить со свадьбой и лучше узнать своего избранника, прежде чем выйти замуж. Встречи в этот период довольно частые, но могут прекратиться без особого ущерба для обеих сторон. При более продолжительном учебном процессе большую роль в отношениях начинают играть материальные факторы.

Вместо брака по любви — брак по расчету. Основными критериями материального положения молодого человека являются его работа и жилищные условия. Мужчина, который делает предложение без обеспечения солидных гарантий по этим двум важнейшим пунктам, имеет мало шансов на получение благоприятного ответа родителей. Между тем в Алжире молодым людям трудно найти хорошую работу и жилье. В последнее время алжирцы стали свидетелями постоянного снижения уровня жизни без вероятности его улучшения в краткосрочной или среднесрочной перспективе. С 1994 г. безработица растет, с конца 1990-х гг. ситуация с трудоустройством в Алжире очень сложная (около 30% активного населения, а среди молодежи даже 60% в 2000 г. были безработными) и остается чрезвычайно затруднительной. Несмотря на значительные усилия, прилагаемые правительством для создания рабочих мест для молодежи, по данным доклада FMI (2006), безработица все еще превышает 30% среди молодежи в возрасте до 30 лет [Algerie..., 2006].

В настоящее время алжирские девушки находятся в парадоксальной ситуации. Они все больше мечтают о браке по любви. Однако, понимая, что брак по любви не может противостоять ежедневным бытовым материальным трудностям, например отсутствию жилья, молодая алжирка желала бы, чтобы ее избранник был богат или, как говорится, был обеспечен и “имел достаточно средств” [Ouadah-Bedidi, 2009, p. 186]. В итоге девушки чаще жертвуют поисками брака по любви в пользу “хорошей партии”, в лучшем случае надеясь найти взаимовыгодный и приемлемый вариант для обеих сторон.

Этот вид капитуляции перед трудностями представляется “второй революцией” в развитии гендерных отношений, в особенности относительно девушек, получивших высшее образование. 10–20 лет назад женщина-профессионал, например врач или адвокат, самостоятельно добившись некоторой свободы выбора, предпочитала выходить замуж за мужчину, как правило, аналогичной специальности, в которого она была влюблена, даже если перед ними стоял ряд материальных проблем. Это позволяло ей надеяться на лучшее взаимопонимание с супругом, в первую очередь о возможности ей продолжать работать по специальности. До сих пор в Алжире замужняя женщина, чтобы устроиться на оплачиваемую работу, должна получить официальное согласие супруга. Если он против, то имеет право заставить ее отказаться от своего намерения, например под угрозой развода. В наши дни высококвалифицированные женщины-специалисты выбирают в мужа преимущественно коммерсантов или предпринимателей, способных обеспечить семье комфортную жизнь без материальных проблем. По словам З. Уда-Бедида, то, что было предоставлено молодым алжиркам “первой революцией” посредством развития

системы женского образования, “вторая революция” вследствие экономического кризиса почти тотчас же у них отняла [ibid.].

Вмешательство матери жениха уменьшается. При браках, организуемых родителями, кто из них играет решающую роль? Мать, отец или оба в равной степени? Традиционно миссия выбора, в частности невесты, принадлежит матери молодого человека. Она разрабатывает стратегию для достижения главной цели — привести в дом девушку “из хорошей семьи”. Мать не только выбирает жену для своего сына, но в первую очередь она выбирает невестку для себя. В повседневной жизни алжирцы часто говорят о матери, женившей сына, что она привела себе невестку.

Однако, если продолжить ассоциацию взаимоотношений невестки со свекровью, последняя не имеет больше решающего права голоса: ее роль зачастую ограничивается одобрением выбора сына. Как только сын определится с избранницей, он сообщает об этом родителям и уговаривает мать пойти просить руки девушки у ее родителей. Иногда это застает мать врасплох и ставит перед свершившимся фактом, который идет вразрез с ее планами [Addi, 1999]; но намечается тенденция к некоторой либерализации, когда все больше матерей не желают вмешиваться в процесс выбора невесты, чтобы в будущем избежать упреков и не страдать в будущем от негативных эмоционально-психологических и иных последствий, если брак окажется неудачным. Однако одобрение и согласие матери остается обязательным условием для того, чтобы свадьба состоялась. Родители девушки откажутся выдать дочь за молодого человека, чья мать против этого брака. Это согласие должно проявиться в приходе матери юноши в дом девушки, чтобы просить ее руки у родителей. Как свидетельствует Х. Адди, “чтобы жениться, магрибинец должен заручиться поддержкой двух женщин: своей матери и матери невесты”, а “выбор невесты фактически может стать серьезным камнем преткновения между матерью и сыном” [Addi, 1999, p. 80–82].

Урегулирование данной конфликтной ситуации зависит от многих факторов. С одной стороны, если на молодого человека не оказывают давления его девушка и, в особенности, ее семья, наиболее подходящей стратегией, видимо, является выжидательная: молодой человек надеется, что его мать изменит свое мнение, видя его упорство не брать в жены другую. Но если ему удастся приобрести отдельное жилье, негативное мнение его матери больше не играет решающей роли, потому что она не будет жить вместе с невесткой, в выборе которой она не принимала участие. Если же, напротив, девушка и ее родственники оказывают давление, молодой человек должен убеждать свою мать. В большинстве случаев она сдается, видя решимость сына. Однако алжирские матери нуждаются в ощущении важности и особой значимости своего мнения и предпочитают, чтобы с ними советовались по матримониальным вопросам, хотя бы номинально. Это вмешательство матери, даже абсолютно формальное, в действительности является важным фактором будущих взаимоотношений между свекровью и невесткой. “Тем самым свекровь дает понять невестке, что ее мнение было решающим в их свадьбе и что по отношению к ней следует проявлять уважение и послушание” [Addi, 1999, p. 82].

Но в настоящее время позиция матерей изменилась. Они почти утешились, что не обременены больше необходимостью искать невесту своему сыну, зато и их невозможно теперь обвинять, что когда-то они сделали неправильный выбор. Они говорят что-то вроде “мы умываем руки” или “это он ее выбрал, пусть сами разбираются”. Даже если мать приходит сватать сына, она говорит, как бы пытаясь себя оправдать, что “они пришли к согласию между собой, а мы (родители) присоединяемся к их мнению”. Это ясно свидетельствует — она осознает, что отныне она сменила активную роль “искательницы” супруги для сына на пассивную роль чисто формального одобрения. Мать сейчас выступает как бы “послом” своего сына перед родителями девушки. В сущности, решение вступить в брак перестало быть общественным делом, превратившись в индивидуальное и сугубо личное.

Сестры жениха принимают эстафету. Если матери больше не занимаются поисками супруги для сыновей, кто мог бы выполнять ныне эту деликатную миссию в обществе, где гендерная сегрегация остается все еще весьма заметной? Ускорение урбанизационных процессов, смешение различных народов в результате разнообразного рода миграций после завоевания независимости и иные социально-политические и экономические эволюционные изменения значительно сократили возможности для матримониальной деятельности матерей и способствовали трансформации их роли. В частности большой город — это анонимное пространство, где для матери непросто определить, в каких семьях есть девушки на выданье, как прежде она могла их найти в небольшом населенном пункте или поселке. В городе матримониальный рынок более сложный. Традиционный круг знакомств матерей — соседи, разговоры в восточной бане, праздники и свадьбы, продавщицы золотых ювелирных украшений и т.п. [Dib Marouf, 1990], который позволял собирать необходимую информацию о какой-либо потенциальной невесте, например об ее умении вести домашнее хозяйство, больше не располагает достаточной информацией. Кто же тогда мог бы информировать молодого человека, отныне уже более свободного в своем матримониальном выборе?

Конечно, знакомство может стать результатом прямого межличностного общения между юношами и девушками по месту работы или учебы. Но в стране, где согласно традиции весьма сдержанно относятся к подобным контактам, на сцене естественным образом появляется другое действующее лицо — сестра молодого человека.

Если взаимоотношения между матерью и сыном в алжирском обществе, без сомнения, самые значимые и приоритетные [Dujardin, 1996; Addi, 1999], отношения между братом и сестрой также могут способствовать матримониальной политике и практике. И в настоящее время развитие данной тенденции наблюдается во всех социальных слоях, а не только среди образованной интеллигенции. С одной стороны, братья и сестры выросли в одинаковом семейном и социальном окружении. В семье девочка получает воспитание обычно под контролем отца и, в особенности, братьев [Addi, 1999]. Поэтому братья полностью доверяют сестрам с точки зрения морально-нравственных и традиционных ценностей, которые они вместе получали. С другой стороны, сестра, как правило, создает собственное социальное окружение и сферу формального, неформального и дружеского общения из одноклассников в школе, однокурсников в университете, коллег по месту работы, соседей и т.п. Сестры одновременно лучше, чем матери, понимают надежды и стремления братьев, возникающие под влиянием социально-экономических и культурных изменений в обществе, а также моделей западной культуры [ibid.]. Теперь они подробнее, чем матери, осведомлены, кто эти девушки, которые могли бы наилучшим образом соответствовать предпочтениям братьев, и где их можно встретить.

Нередко молодые люди просят сестер найти им девушек, отвечающих их ожиданиям и морально-этическим представлениям. Предварительная “разведка” осуществляется прежде всего в кругу ближайших друзей. Сестра может организовать официальное знакомство. Затем следует период общения и встреч, который позволяет паре оценить друг друга и понять, подходят ли они друг другу. Лишь после этого мать молодого человека будет исполнять свою традиционную роль в процессе официального сватовства. Новая общепризнанная в алжирском обществе роль — роль сестры — способствует либерализации внутрисемейных отношений, которая смягчает отношения господства и традиционного доминирования над женщинами и девушками со стороны их братьев.

Какая роль остается у отца? Хотя его присутствие считается необходимым при заключении брака дочери для чтения Корана перед имамом и родственниками, во время разнообразных семейных событий и торжеств отец все чаще отсутствует. Исследователи-специалисты говорят о “кризисе положения отца в Магрибе” [Granguillaume, 1996] и о “закате роли отца” [Addi, 1999]. Активную роль отца уменьшали социально-экономические трансформации — исход из сельской местности, все больший охват детей школьным образованием, развитие урбанизационного процесса и пр. По мнению Ж. Грангийома,

вследствие почти поголовного охвата детей школьным образованием культурный уровень детей повышается по сравнению с отцовским; разрыв в уровне образования еще сложнее пережить в эмиграции, поэтому отец чувствует себя как бы униженным в новой окружающей среде, ему кажется, что он на более низкой позиции по сравнению со своими детьми, и ему нелегко представить, что даже в этих условиях он может пользоваться авторитетом [Granguillaume, 1996, p. 136].

Уменьшение роли отца стало также результатом трансформации социально-экономических отношений вследствие появления у его детей возможностей получать заработную плату. Х. Адди отмечает, что “расширенная семья более не воспроизводится на прежнем семейном основании; отныне ее доходы составляют преимущественно зарплаты сыновей... эта ситуация часто ведет к утрате отцом власти принятия решений, например, по вопросу о бюджете семьи” [Addi, 1999, p. 56].

Более того, в нынешних условиях экономического кризиса и безработицы зарплата сыновей, а теперь зачастую и дочерей, составляет иногда единственный источник финансирования семьи. Символическая власть отца имеет тенденцию к уменьшению в пользу прогрессирующей реальной власти матери в принятии решений. И действительно, ее все больше поддерживают дети, и в частности образованные дочери, нередко получающие приличную зарплату. Вероятно, идет процесс перераспределения соотношения морально-психологических сил и влияния между отцом и матерью, который в итоге, очевидно, приведет к перебалансировке гендерных социальных взаимоотношений как между супругами, так и в целом между мужчинами и женщинами в алжирском обществе [Kateb, 2001(2); Locoh, Ouadah-Bedidi, 2014].

Семьи родителей молодоженов: их роли в матримониальном процессе. Во всем матримониальном процессе этап сватовства, так же как и свадебная церемония, кажется, в наименьшей степени подвергаются изменениям. В действительности перманентность и постоянство этих двух этапов, служащих для обязательной демонстрации укрепления престижа семей и их социального статуса успешно маскируют происходящие объективные изменения.

Ритуал сватовства постоянно один и тот же: мать жениха отправляется с визитом в семью девушки и озвучивает официальное предложение. Поскольку молодые люди уже знакомы и между ними все согласовано, данный этап превратился в простую формальность. Фактический ответ уже известен, но по традиции требуется соблюдение приличий, и каждый исполняет свою роль. Семье девушки выделяется некоторое время на раздумье, чтобы затем официально объявить о согласии на брак. Таким образом, второй визит организуется, когда приглашаются близкие родственники обоих молодых и когда девушке иногда преподносят кольцо в знак заключения нового союза. С этой даты девушка будет считаться официально помолвленной, или невестой.

В связи с данными событиями ведутся переговоры на тему о брачных платежах, или о приданом, т.е. это те суммы, которые семья жениха должна выделить на приобретение нарядов и украшений для невесты. (Алжирский термин “приданое” — эквивалент русского понятия “выкуп за невесту”.) Ныне эти переговоры осложнены в связи с тем, что некоторые вопросы решаются вне семейного круга, между девушкой и ее женихом. В реальности, что касается предсвадебных переговоров, семья невесты будет либо требовать некоторую сумму денег, необходимую для приобретения одежды для новобрачной и подготовки к свадьбе (свадебная церемония, нарядные платья, ювелирные украшения и т.п.), либо ничего не просить и довольствоваться нарядами невесте и организацией свадьбы, прежде всего речь идет об угощении для гостей и напитках. Но в наши дни девушки предпочитают располагать нужной суммой денег и нередко считают вкус будущей свекрови устаревшим. Они чаще самостоятельно покупают городскую одежду вместо разнообразных домашних платьев, выбираемых обычно свекровью. В случае, когда родственники девушки не требуют приданого для невесты, брачные платежи могут быть чисто символическими: отец жениха кладет приличную сумму денег перед имамом, и отцу девушки или

его представителю следует взять лишь несколько купюр. В некоторых случаях определяется минимальный лимит, который часто оценивается в стоимость одного грамма золота.

Кроме брачных платежей и приданого, важной частью переговоров является момент, когда две семьи согласуют основные условия брака: дату и, в особенности, будущий статус девушки (оплачиваемая работа, возможность продолжения учебы, отдельное жилье или же вместе со свекровью и т.д.). Между тем, кроме формального нотариального свидетельства о браке очень часто отсутствуют какие-либо письменные доказательства различных договоренностей, в том числе и о приданом, которое, как правило, является структурирующим и определяющим элементом брака. Акт гражданского состояния, подписанный в мэрии, не считается документом, обеспечивающим ценность этим правам. В действительности, если сумма приданого должна быть выплачена в срок, лишь копия нотариального контракта может стать правом для опротестования.

Анализируя проблему приданого в семьях, эмигрировавших во Францию, Ж. Стрейф-Фенар отмечает противоречия в представлениях и практике брака [Streiff-Fenart, 1985]. Аналогичные противоречия наблюдались также в Алжире, в частности в городской среде. И действительно, вопрос о приданом неразрывно связан с общим процессом социально-экономического развития. В традиционных обществах Магриба приданое — это инструмент, регулирующий символический и экономический обмен между различными группами общества посредством брака [Bourdieu, 1958]. В нынешних условиях, с одной стороны, приданое, как представляют новые поколения, потеряло свое символическое значение, и осталась лишь функция утилитарная и коммерческая [Streiff-Fenart, 1985]. С другой стороны, вследствие модификации отношений власти внутри семьи (в результате индивидуализации, возможности получения зарплаты, образования, расширения профессиональных, социальных, общественных связей и т.п.) решение вопроса о приданом все больше выходит из-под контроля родителей.

Свадебная церемония. По поводу этого события семьи “разоряются” [Ouadah-Bedidi, 1999, p. 190]. Все ресурсы расходуются, чтобы соответствовать общепринятым требованиям брачных церемоний, которые становятся все более пышными и впечатляющими. В большинстве случаев играют две свадьбы — одна организуется родителями невесты, другая — жениха. В отдельных случаях, когда семьи хорошо знакомы друг с другом, например при родственных браках, они могут договориться об одной свадьбе в банкетном зале, где расходы делятся пополам. Эта практика имеет тенденцию к распространению, даже если семья “иностранная”. Из-за недостаточных размеров жилища, но также нередко из-за соображений престижа все чаще свадьбы проводятся в банкетных залах с оркестрами из профессиональных музыкантов, оплачиваемых по весьма завышенным тарифам, иногда в 5–6 раз превышающим общепринятые стандарты. Подарки в виде финансовой помощи от близких родственников нередко частично покрывают огромные расходы.

Перенесение места свадьбы из дома в банкетный зал породило изменение традиционного обычая символической “передачи невесты”. Более важным моментом свадьбы становится кортеж, сопровождающий невесту в банкетный зал, и мужчины семьи (отец и братья) принимают в нем участие, в то время как прежде лишь 3–4 человека, как правил, пожилые дамы, сопровождали невесту в жилище супруга. Ее отец, мать и братья отныне составляют часть свадебного кортежа, они не должны больше разыгрывать притворную грусть как “потерявшие дочь и сестру”, могут проявлять радость, видя, что она выходит замуж по своему выбору и желанию, и принимать активное участие в празднике [Adel, 1999].

Между тем, из всех изменений свадебной традиции самым символичным и значимым является отказ от церемонии брачной ночи, проводившейся прежде под наблюдением домочадцев мужа [Ouadah-Bedidi, 1999, p. 191]. Вместо этого распространяется практика проведения брачной ночи в отеле или в квартире, предоставленной приятелем или снятой для этого случая. Публичное доказательство невинности, кажется, не привлекает

молодоженов, которые предпочитают, чтобы их свадьба была их личным делом без тотального вмешательства семьи, близких и дальних родственников или общественности.

* * *

В целом, бракосочетание — одна из важнейших составляющих арабо-мусульманской традиции. В то же время брак считается религиозным долгом, ответственным социальным актом и центральным звеном взаимоотношений между индивидуумами и обществом. Исходя из этого постулата, в Алжире брак издавна являлся для всех граждан, и мужчин, и женщин, решающим жизненным событием: это начало взрослой жизни; время и место, когда сексуальность и рождение потомства превращается из запрета в обязанность [ibid.]. Это одна из социальных норм, которая традиционнo в наибольшей степени отражалась на женском статусе. Веками незамужнее состояние было немыслимым для взрослой женщины. Алжирка никогда не выбирала себе супруга, и она почти не могла воспользоваться своим абстрактно-теоретическим правом отказать мужчине, сделавшему ей предложение. Прежде девушки выходили замуж очень рано, и разница в возрасте между супругами была весьма значительной. Большинство союзов заключались в довольно узком семейно-родственном кругу.

В последние тридцать лет происходит глубокая трансформация традиционной модели семейно-брачных отношений. Из преждевременного (в среднем от 15 до 18 лет в 1960-х гг., а в отдельных случаях и гораздо раньше) замужество женщин превратилось в очень позднее — после 30 лет (2006 г.). В то же время разница в возрасте между супругами заметно сократилась, и резко возросла проблема безбрачия среди взрослых алжирцев, как мужчин, так и женщин. В настоящее время одна алжирка из трех все еще не замужем в 30–34 года. Данную ситуацию почти невозможно представить в обществе, которое остается в значительной степени приверженным идее универсальности брака и принципам девственности девушек до свадьбы. Отсрочка замужества отчасти является результатом возросшего стремления к самостоятельности женщин, которые больше не хотят выходить замуж, не накопив материально-финансовых средств для обретения некоторой независимости, и хотели бы также иметь время, чтобы выбрать себе супруга по взаимному чувству; но эта задержка проистекает и вследствие сложных социально-экономических обстоятельств (безработица, дефицит жилья, снижение жизненного уровня и т.п.), которые негативно влияют на статус и положение молодежи.

В свою очередь, особенности и разновидности форм брака претерпевают эволюцию. Выбор супруга все меньше становится делом семейной группы и все больше предоставлен молодежи. Алжирские девушки, особенно наиболее образованные, стремятся добиться свободы выбора будущего мужа вне семейно-родственного круга, которого они затем представляют родителям для одобрения его кандидатуры, что, в свою очередь, все более становится формальностью. Однако, несмотря на трансформацию семейно-брачных отношений и значительное увеличение периода безбрачия в молодом возрасте, именно к самому институту брака возвращаются как к единственно возможному варианту выражения сексуальности и условий воспроизводства рода, одобряемому обществом.

REFERENCES

- Addi H. *Les mutations de la société algérienne. Famille et lien social dans l'Algérie contemporaine*. P.: La Découverte, 1999.
- Adel F. La nuit de noces ou la virilité piégée // *Revue algérienne d'anthropologie et de sciences sociales*. Oran, 1998. Vol. 1, 2. № 4. Janvier–avril. Pp. 3–24.
- Aït Amara H. Les modalités du mariage // *Femmes diplômées du Maghreb: pratiques novatrices*. Tunis: IREP et FNUAP, 1994.
- Algérie: Questions choisies. Fonds monétaire international*. Rapport du FMI № 06/101. Wash. (DC), 2006.
- Association Algérienne pour la Recherche Démographique Economique et Sociale*. Alger, 1967.

- Bontemps C. Les alterations du modèle musulman durant la période coloniale: l'exemple de l'Algérie // *Mariage Mariage* / Ed. C. Bontemps. P.: PUF, 2001. Pp. 523–566.
- Bourdieu P. *Sociologie de l'Algérie*. P.: Presses Universitaires de France, 1958.
- Boutefnouchent M. *La Famille algérienne: Évolution et caractéristiques récentes*. Alger: SNED, 1982.
- Dib Marouf Ch. Dot et travail féminin à domicile en Algérie. Procès de reproduction sociale et culturelle // *Femmes du Maghreb au présent*. P.: Press du CNRS, 1990. Pp. 19–36.
- Dujardin C.-L. *Des mères contre des femmes. Maternité et patriarcat au Maghreb*. P.: La Découverte, 1996.
- Enquête Algérienne sur la Santé de la Famille 2002. Rapport préliminaire*. Alger: ONS. MSP. FNUAP, 2003.
- Granguillaume G. La confrontation par les langues // *Antropologie et Sociétés*. 1996. Vol. 20. № 2. Pp. 37–55.
- Guichard P. *Structures sociales "orientales" et "occidentales" dans l'Espagne musulmane (Civilisations et sociétés)*. P.: Mouton (EHESS), 1977.
- Hertrich V., Locoh Th. *Rapports de genre, formation et dissolution des unions dans les pays en développement*. Liège: UIESP, 1990.
- Kateb R. *Européens, "indigènes" et juifs en Algérie (1830–1962). Représentations et réalités des populations*. Paris: INED, 2001(1).
- Kateb K. *La fin du mariage traditionnel en Algérie? 1876–1998. Une exigence d'égalité des sexes*. P.: Editions Bouchène, 2001(2).
- Kateb K. Le mariage en Algérie. Entre modernité et tradition // *Structures Familiales, cycles de vie et subjectivité dans la famille en Europe et en Méditerranée*. Grass: Festival Trans Méditerranée, 2003.
- Kateb K. Emploi féminin, politique et société en Algérie // *Marché du travail et genre, Maghreb-Europe*. Louvain-la-Neuve, 2004.
- Kouaouci A. *Familles, femmes et contraception. Contribution à une sociologie de la famille algérienne*. Alger: CENEAP-FNUAP, 1992.
- Locoh Th. *Nuptiality, fertility and family structures in Sub-Saharan Africa: a framework for teaching*. P.: INED, 2001.
- Locoh Th. Les facteurs de la formation des couples // *Démographie: Analyse et Synthèse. II. Les déterminants de la fécondité* / Ed. G. Caselli, J. Vallin, G. Wunsch. P.: INED, 2002. Pp. 103–142.
- Locoh Th., Ouadah-Bedidi Z. *Familles et rapports de genre au Maghreb. Évolution ou révolutions? Document de travail*. P.: INED, 2014.
- Mahfoudh D. Synthèse et typologie. Pratiques novatrices: de la subversion au compromise // *Femmes diplômées du Maghreb: pratiques novatrices*. Tunis: IREP et FNUAP, 1994. Pp. 279–374.
- Ouadah-Bedidi Z. Le Mariage au cœur du rapport individu-famille-société // *Du Genre et de l'Afrique. Hommage à Thérèse Locoh*. P.: INED, 2009. Pp. 179–193.
- Ouadah-Bedidi Z., Vallin J. Maghreb: la chute irresistible de la fécondité // *Population et Sociétés*. 2000. № 359, juin. Pp. 1–4.
- Ouadah-Bedidi Z., Vallin J. *Fécondité et nuptialité différentielle en Algérie: l'apport du recensement de 1998. Document de travail № 185*. P.: INED, 2012(1).
- Ouadah-Bedidi Z., Vallin J. *Fécondité et politique de limitation des naissances en Algérie: une histoire paradoxale. Document de travail № 186*. P.: INED, 2012(2).
- Streiff-Fenart J. Le mariage: un moment de vérité de l'immigration familiale maghrébine // *Revue européenne des migrations internationales*. 1985. Vol. 1. № 2. Pp. 129–141.